

УДК 341.3; 93/94

М.О. Акишин¹

Право войны в вооруженном конфликте русских и енисейских кыргызов (XVII век)

Право войны; Русское государство; история Сибири; Хакассия.

В статье устанавливается, что вооруженный конфликт с енисейскими кыргызами не подпадает под европейское понятие «войны» XVI – XVII вв. В условиях военных действий русские служилые люди по указам московских самодержцев гуманно обращались с мирным населением и пленными. Значительное внимание в отношениях с кыргызами придавалось двухсторонним переговорам и шертным договором. Кыштымная зависимость кыргызов от государства Алтын-ханов и Джунгарского ханства обусловили использование этими государствами института международно-правового посредничества в русско-кыргызских отношениях.

Теория завоевания Сибири является одной из доминирующих в историографии на протяжении нескольких веков. Ее основоположник Г.Ф. Миллер считал, что продвижению русских на восток сопротивлялись «дикие сибирские племена» [4, Т. I, с. 166, 294; Т. II, с. 14 и др.]. В XVIII–XIX вв. эти взгляды были поддержаны И. Фишером, П.А. Словцовым, П.Н. Буцинским и др. Теория завоевания имеет сторонников и в новейшей историографии (А.С. Зувев, Л.Р. Кызласов, В.А. Тураев и др.).

При всей дискуссионности тезиса о «завоевании» Сибири, сам факт вооруженных столкновений русских землепроходцев с родоплеменными и раннегосударственными образованиями сибирских народов не вызывает сомнений. Одним из самых драматичных таких столкновений был вооруженный конфликт с енисейскими кыргызами. Дискуссию среди историков вызывал вопрос о характере этого конфликта. В.В. Бартольд и Н.Н. Козьмин оценивали его как движе-

¹ Акишин Михаил Олегович, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (РФ, Новосибирск), д.и.н., к.ю.н., Akishin-MO@yandex.ru.

нием кыргызов за независимость. Л.Р. Кызласова – борьбу кыргызов за свою землю и суверенитет. Напротив, С.В. Бахрушин доказывал, что причина агрессивности кыргызов заключалась в «своекорыстной политике» их князцов, которые «видя в военных набегах одно из средств обогащения ... стремились всеми мерами сохранить за собой право беспрепятственно совершать грабительские набеги на соседей» [1, с. 197–198]. В последующем эту позицию поддержали и развивали Л.П. Потапов, В.А. Александров, Г.Ф. Быконя, В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков и др.

В настоящей работе акцент сделан на одном из вопросов, который фактически выпал из предмета исторических исследований – понимания и соблюдения участниками конфликта законов и обычаев права войны. Рассмотрение этой проблемы предполагает анализ, во-первых, понятия «война» в праве XVII в. и обоснования сторонами ее справедливости; во-вторых, изучения регулирования статуса военнопленных и мирного населения; в-третьих, использования дипломатических средств в ходе этого конфликта.

Право войны XVI–XVII вв. основывалось на отграничении понятия «война» от произвольного физического насилия и на положении о том, что «война» должна быть «справедливой». Голландский юрист Г. Гроций считал, что, во-первых, война должна вестись «волею тех, кто в государстве облечен верховной властью», частные войны запрещались; во-вторых, война должна быть торжественно объявлена; в-третьих, справедливой причиной начала войны могла быть защита нарушенного права, защита от нападения, возвращение незаконно захваченного имущества, наказание [3, с. 187, 196 и др.]. Этих требований придерживалась русская дипломатия. Переводчик Посольского приказа Н.Г. Спафарий говорил: «...воры начинают внезапно и без ведомости войны, а у великого государя такой обычай, что буде кто ис порубежных государей неправдою поступает и причины такие дает, тогда прежде посылает посольство и объявляет неправды ево, и буде не престанет, скажет ему и войну» [5, Т. II, с. 507–509].

Русское государство последовательно применяло это понимание войны в конфликте с енисейскими кыргызами. На границу с их землей русские вышли после разгрома Сибирского ханства. В 1603 г. князец еуштинских татар Тоян, расселявшийся в низовьях р. Томи, приехал в Москву и подал челобитную на имя царя Бориса Годунова, в которой просил принять его в подданство, построить острог на р. Томи и защитить от набегов ойратов и кыргызов. По этому челобитью уже в 1604 г. русские служилые люди заложил Томский острог [4, Т. I, с. 403–

407].

После основания Томска началось приведение к шерти енисейских кыргызов и их кыштымов. Кыргызская земля в это время состояла из Езерского, Алтысарского, Алтырского и Тубинского улусов, находившихся под властью княжеского рода енисейских кыргызов. Помимо власти в своих улусах кыргызы установили от себя кыштымную зависимость целого ряда народов – красноярских качинцев, тюрко-кетоязычных ангарских аринцев, народов, населявших Кузнецкую котловину, бассейны р. Томи, Среднего Чулыма, Маны и Кана.

В январе 1609 г. служилые люди привели к шерти «царя» Номчу, князца Алтысарского улуса. Алтырский князец Ноян и езерский князец Кочербай сначала ясак платить отказались, но после похода русских служилых людей также вынуждены были дать шерть и обязательство платить ясак [2, с. 11, 28–32]. В Москве принесение шерти кыргызами и их кыштымами на подданство квалифицировалось как установление полной юрисдикции над их землей.

Однако енисейские кыргызы находились на раннегосударственной стадии развития, сохраняя многие черты родоплеменного быта. Для решения общих дел собирались съезды представителей четырех улусов, на которых князья совместно «удумывают обо всяком земляном деле» и выбирали старшего по возрасту «лучшего» князя, которому поручалась верховная власть. Следует учитывать также, что енисейские кыргызы, во-первых, не знали института подданства в том смысле, который ему придавался земледельческими народами, а шерть они рассматривали по сути, как свободный вассалитет; во-вторых, кыргызы сами были кыштымами с конца XVI в. государства Алтын-ханов, а с 1635 г. Джунгарского ханства [8].

Эти особенности социально-политического развития кыргызов почти сразу привели к вооруженным конфликтам. В 1610 г. князцы Кочербай «с товарищами» «изменили» и ни один из кыргызских улусов не уплатил ясак. «Изменил» шерти и «лучший» князец Номча. Начались набеги кыргызов на ясачные чулымские волости Томского уезда. В 1614 г. кыргызы, склонившие на свою сторону кыштымов, живших по Чулыму, и шорцев, объединенными силами выступили против томских воевод [2, с. 30–34; 6, с. 30–32]. Эти действия открыли историю кыргызских набегов на русские поселения, которые продолжались до конца столетия.

Русские власти проводили политику превращения номинального подданства кыргызов и их кыштымов в реальное. В 1618 г. был основан Кузнецкий острог. В 1621 г. – Мелецкий острог. В 1628 г. – Крас-

ноярский острог. В 1637 г. на Братском перевозе через Кан был поставлен новый острог (современный г. Канск). В 1641 г. на р. Чулыме был поставлен Ачинский острог. В 1675 г. красноярские служилые люди на верхнем течении Енисея, на острове Карагас (Сосновый) «острог поставили и крепости учинили». Затем между Красноярском и устьем Абакана был поставлен Караульный острог и небольшой Ломовский острог на берегу р. Кемчикаг, который преграждал так называемую Ломовскую дорогу. В 1697 г. на севере Кыргызской земли был поставлен Каштацкий острог.

Итак, уже в 10-х гг. XVII в. начались вооруженные конфликты с кыргызами, растянувшаяся до конца столетия. Исходя из европейского правового понятия «войны», московские власти рассматривали враждебность кыргызов как «измену» и требовали от сибирских воевод укрепить их в подданстве. Енисейские кыргызы пытались отстоять общее положение справедливости их противостояния русским, время от времени признавая, что тот или иной набег был совершен самовольно тем или иным степным владетелем.

Важнейшим институтом права в период вооруженных конфликтов является институт защиты жертв войны – военнопленных и гражданского населения. Русское законодательство XVII в. содержало достаточно развитую систему юридических норм, регулиующую правовое положение «иноземцев» в ходе присоединения Сибири. В отношении мирных «иноземцев» предписывалось действовать «ласкою, а не жесточью», чтобы не нанести ущерб плательщикам ясака. Тех «иноземцев», которые попали в плен в ходе вооруженного конфликта, предписывалось после его окончания «прощать их на окуп». Эти нормы соблюдались в ходе русско-кыргызских вооруженных столкновений.

Для разрешения русско-кыргызского конфликта широко использовались дипломатические средства. Поражения в вооруженных столкновениях приводили к переговорам и заключению новых шертовых договоров. После разгрома в 1615 г. два «лутчих» кыргызских князька Номча и Кар-Сакул «со всеми своими людьми учинились под государевою рукою и по своей вере шертовали..., а ясак государю в Томской город ... послали». В 1631–1632 гг. посланцы Кыргызской земли в Томске от имени всех князей дали новую присягу служить русскому царю, жить мирно, ясак давать ежегодно, а ясачных людей, принявших подданство России, не угонять. В 1642 г. кыргызы вновь шертовали, «что им быть под твоею государевою царскою высокою рукою со всеми улусными людьми на веки неотступно и ясак бы тебе

государю давати». В 1678, 1680, 1682 и 1684 гг. шертовал на подданство енисейский князец Ереняка, который организовал наиболее длительное и ожесточенное сопротивление русским [1, с. 221; 2, с. 113–116, 135–140; 6, с. 59].

Кыштымная зависимость кыргызов от государства Алтын-ханов, а затем Джунгарского ханства обусловила использование в ходе русско-кыргызского конфликта не только институтов двухсторонних переговоров и договоров, но и международного посредничества. Впервые к нему прибег в 1616 г. Алтын-хан, который в присутствии русских послов, принуждал кыргызов прекратить войну с русскими. В 1620-х гг. Алтын-хан приказывал кыргызским князям и их улусным людям «в винах своих добити челом» московскому царю и «быть под царскою высокою рукою по-прежнему» [6, с. 59–68].

После разгрома в 1667 г. государства Алтын-ханов владельцы Джунгарии посылали в Кыргызскую землю своих наместников (русские называли их «посланцами»). Полномочия «посланца» включали ведение переговоров с русскими властями. Продолжилась и практика международного посредничества. Так, в июле 1680 г. улусные люди джунгарского хана, которым была «приказана без Галдана-контайши земля его», ейзаны Ейзуйту и Манжин, в своей «судейской юрте» давали русским посланцам очные ставки с представителями кыргызов. Выслушав обе стороны и указав неправоту той и другой, ейзаны «заказывали накрепко» кыргызам, чтобы они с русскими жили мирно «и задоров никаких не чинили» [7, № 99].

В 1703 г. по указу правителя Джунгарии Цэван-Рабдана енисейские кыргызы были выведены в монгольские степи, что навсегда изменило судьбу населения Хакасско-Минусинской котловины. Оставшиеся в Кыргызской земле кыштымы принесли свои вины русским властям и просили о постройке на их земле острога. Подданство народов Верхнего Енисея, Томи и Иртыша из номинального окончательно стало реальным. Границы Русского государства в Хакасско-Минусинской котловине были признаны цинским Китаем при заключении Буринского трактата от 20 августа 1727 г.

Подведем итоги. Вооруженный конфликт с енисейскими кыргызами не подпадает под европейское понятие «войны» XVI–XVII вв. В ходе переговоров 1610-х гг. кыргызские князцы шертовали на подданство, почему в последующем московские власти рассматривали враждебность кыргызов как «измену» и требовали от сибирских воевод укрепить их в подданстве. Долгое время набеги кыргызов на русские поселения были частным делом степных владельцев и только

в 1660-х – 1680-х гг. князец Ереняк сумел придать им характер консолидированного противостояния русским. В условиях военных действий русские служилые люди по указам московских самодержцев гуманно обращались с мирным населением и пленными. Значительное внимание в отношениях с кыргызами придавалось двухсторонним переговорам и шертным договором. Кыштымная зависимость кыргызов от государства Алтын-ханов и Джунгарского ханства обусловили использование этими государствами института международно-правового посредничества в русско-кыргызских отношениях.

1. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955.
2. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995.
3. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994.
4. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999-2000. Т. I-II.
5. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы: в 2 т. Т. 2. 1686–1691 /Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1972.
6. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. /Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959.
7. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
8. *Чертыков В.К.* Кыргызская земля в XVII – начале XVIII вв. и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии: Автореф. дисс. ... к.и.н. Абакан, 2006.